

ОЛЕСЯ ПАЛИНСЬКА

Університет ім. Карла фон Осецкого, Ольденбург

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2623-7164>

АВТОПЕРЕВОД В УКРАИНСКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ

SELF-TRANSLATION IN UKRAINIAN-RUSSIAN MIXED SPEECH

The article deals with self-translations in the Ukrainian-Russian mixed speech (suržyk) in Ukraine. The author discusses the nature of self-translations, the reasons for their appearance and the way the socio-demographic parameters of the respondents influence them. First of all, the speakers may use self-translations to comply with some «correct», in their opinion, language standard. Ukrainian and Russian in Ukraine are closely related and mutually understandable languages that are in use in the same bilingual community, but any of them can equally act as a marker of high status, which reflects the dynamics of the language situation in Ukraine over the past 30 years. Secondly, self-translations can be used without referring to a «correct» standard and simply as synonymous doublets or (very rarely) as a way to clarify or explain the meaning of a lexical item. Statistical analysis also confirms the connection between the direction of self-translation and some parameters of the respondents, e.g. their age, education, type of area where they grew up and where they live now. Both qualitative and quantitative analysis have been carried out on the basis of corpus data collected in the central region of Ukraine.

Keywords: Ukrainian-Russian mixed speech, self-translation, language contact.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Автоперевод, или же ситуация, когда двуязычный говорящий сам (как правило, в пределах одного высказывания) переводит произнесенное им слово или фразу, является частным случаем самоисправления — процесса, при котором говорящие останавливают свою речь, прерывают, изменяют или переформулируют до окончания высказывания. Известно, что самоисправления не производятся случайным образом, а являются высокоструктурированными — как фонетически, так и морфосинтаксически, хотя то, как они производятся, может существенно различаться в разных языках¹.

¹ Cp. B. A. Fox, Y. Maschler, S. Uhman, *A cross-linguistic study of self-repair: Evidence from English, German, and Hebrew*, «Journal of Pragmatics» 2010, № 42, с. 2487.

В зависимости от ситуации, в которой используются автопереводы, их функции могут быть разнообразными: они могут использоваться для объяснения слов, непонятных собеседнику; для уточнения значения слов, произнесенных ранее собеседником, которое говорящий делает для себя сам; для придания дополнительной коннотативной окраски, если таковой обладает слово или выражение в одном из используемых языков; как синонимическое средство, делающее речь более богатой и интересной; как маркер языковой идентичности говорящего и т.д. Еще Джон Гамперц обращал внимание на то, что «часто сообщение в одном коде повторяется в другом коде, буквально или в несколько измененной форме. В некоторых случаях такие повторения могут служить для разъяснения того, что говорится, но часто они могут просто усиливать или подчеркивать сообщение»². В близкородственных языках иногда достаточно сложно определить, являются ли определенные дублеты, использованные в речи респондента, исправлением или повторением, так как если речь идет о лексике, это разграничение является нечетким.

Исследования автопереводов в основном описывают ситуации, где два (или более) языка, даже находящиеся в длительном контакте, структурно достаточно существенно отличаются, а также уровень владения этими языками у разных говорящих (и у исследователей) различается³. Таким образом, автоперевод имеет в большинстве случаев функциональную нагрузку, что, конечно же, не отрицает возможности параллельного стилистического, символического или «идеологического» использования. Но автопереводы, используемые в ситуации длительного контакта двух близкородственных языков, где все носители владеют (как минимум пассивно) каждым из языков очень хорошо, крайне редко выполняют функцию собственно объяснения или уточнения значений слов. В таком случае направление автоперевода демонстрирует прежде всего языковую идентичность

² J. Gumperz, *Discourse Strategies*, Cambridge University Press, Cambridge 1982, с. 78.

³ Подробное теоретическое описание процесса самоисправления и исправления речи других, а также обширный обзор литературы на эту тему см., в частности: J. Gafaranga, *Language alternation and conversational repair in bilingual conversation*, «International Journal of Bilingualism» 2012, № 16: 4, с. 501–527.

говорящего, а также его представление о престижности данных языков в обществе и целесообразность использования единиц того или иного языкового кода в конкретной речевой ситуации. Именно такие автопереводы, производимые носителями смешанной украинско-русской речи в центральных областях Украины (Хмельницкая, Винницкая, Житомирская, Киевская, Черкасская, Кировоградская, Черниговская, Сумская, Полтавская, Днепропетровская, Харьковская), исследуются в этой статье.

Украинско-русская смешанная речь (УРСР)⁴ является предметом изучения в исследовательском проекте⁵ Ольденбургского университета. В ходе проекта в июне-июле 2014 в 11 центральноукраинских областях был проведен закрытый опрос 1400 респондентов из 56 городов. С респондентами, которые назвали смешанную речь своим основным языковым кодом или, по крайней мере, одним из основных кодов и согласились на дальнейшее сотрудничество, записали 135 открытых полуструктурированных интервью, половину из которых затранскрибировали и лингвистически обработали. Этот материал был дополнен «семейными» (в широком смысле — участниками могли выступать как члены одной семьи, так и их друзья или соседи) разговорами в неформальных ситуациях домашнего общения, записанными ранее, в 2010 году, в которых приняли участие 85 респондентов⁶. На основе этого материала был создан лингвистический корпус, состоящий из двух подкорпусов: семейный корпус и корпус ин-

⁴ Это явление в повседневной речи, а иногда и в научных исследованиях также называют «суржи́ком», но, поскольку это слово не является термином в строгом смысле и имеет негативную коннотацию, мы используем нейтральный термин УРСР, ср.: Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик» (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування)*, «Мовознавство» 2015, № 4, с. 5.

⁵ Проект «Вариативность и стабильность в смешанном субстандарте в широком и стабильном во времени языковом контакте: украинско-русская смешанная речь в Украине» (2014 — 2019) при поддержке Фонда Ф. Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung), руководитель — проф. Герд Хентшель.

⁶ Подробное описание проекта «Флективно-морфологические нерегулярности в «актуальных» контактных языковых вариантах севернославянских языков» (2009–2014), поддержанного Немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), см. в: Т. Menzel, G. Hentschel, *Flexionsmorphologische Irregularität im innerslavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch — Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*, Peter Lang, Frankfurt/M. 2017.

тервью. Дальнейший анализ осуществлен на основе этих анкетных и корпусных данных.

АВТОПЕРЕВОД В УКРАИНСКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Носители УРСР редко рефлексировать по поводу собственной речевой практики: так, в привычной обстановке, зафиксированной в «семейных» разговорах, языковые вопросы затрагиваются крайне редко. Но во время проведения лингвистического интервью, то есть в ситуации, когда исследователи интересуются их речью, респонденты производят усиленный мониторинг собственных высказываний, а также задумываются о языковой ситуации и о том, как говорят окружающие⁷. В частности, для того, чтобы привести собственную речь в соответствие с некоторым стандартом (реально существующим или же воображаемым), они часто прибегают к автоисправлениям соответствия, или же «замене одних слов, не соответствующих определенному стандарту, другими, по их мнению, лучше соответствующими представлениям о канонических правилах 'хорошего языка' или являющимися более социально целесообразными»⁸.

В анализе мы рассматриваем все случаи автопереводов независимо от причин, по которым респонденты их используют, т.е. считаем автопереводом любые два слова с общим значением, если они оформлены при помощи морфем из разных кодов или из контекста понятно, что они являются таковыми с точки зрения респондента.

Всего в корпусе УРСР зафиксировано 313 случаев автоперевода, чаще всего переводятся существительные (94), глаголы (67), прилагательные (34), наречия (26), местоимения (23) и союзы (16), остальные части речи подвергаются автопереводу реже. Также есть случаи, когда первое слово было произнесено не пол-

⁷ Подробнее о метаязыковых рефлексиях носителей УРСР см.: О. Палинська, *Метаязыковые рефлексии носителей украинско-русской смешанной речи*, «Wiener slawistischer Almanach» (в печати).

⁸ J. Kormos, *Monitoring and Self-Repair in L2*, «Language Learning» June 1999, № 49:2, с. 317; там же см. подробное описание классификации типов исправлений.

ностью, но произнесенный фрагмент можно соотнести с одним из кодов (тем не менее, они не включены в анализ), напр.:

(1) Vin_{uk} jakyjs'_{uk} samosti[...]_{uk} samostojatjel'nyj_{ru}⁹. I-822

Четверть переводов являются «морфологическими», т.е. имеют родственные основы в двух языках и различаются только отдельными (фоно)морфологическими особенностями, напр., bol'she_{ru} / bil'she_{uk}, jezdit'_{ru} / jizdytu_{uk}, и три четверти — «лексическими», т.е. со специфическими основами: jazyk_{ru} / mova_{uk}, dolžen_{ru} / ровуnen_{uk}.

Автоперевод встречается в речи 88 информантов, большинство из них (59) — из корпуса интервью. В речи 23-х респондентов автоперевод зафиксирован 5 и более раз (максимальное значение — 25), в речи 28 информантов он встречается только однажды.

Анализ производился с учетом не полных исследуемых словоформ, а только их основ, так как нас в данном случае интересует не флективная морфология, а именно лексическая принадлежность переводимых слов.

В этой работе автопереводы были обобщены следующим образом: перевод на русский (с украинского, но также исходными могут выступать гибридные или даже общие формы), таковых в корпусе 49% от общего числа автопереводов; на украинский (43%); а также незначительное количество других исправлений, воспринимаемых в контексте как «переводы», в частности, замена 'украинских' и 'русских' основ на 'гибридные' и 'общие' (они суммарно составляют 8%). В анализе учтены только переводы на украинский и на русский; там, где существенными являются

⁹ Примеры из корпуса для передачи (некоторых) фонетических особенностей представлены латинским шрифтом (ISO 9:1995 в немецкой адаптации DIN 1460:1982 с небольшими изменениями: ë = jo, x = x). «Этимологическая» принадлежность основ отмечена нижним индексом: _{uk} — словоформы с 'украинскими' основами, _{ru} — с 'русскими', _{su} — с 'гибридными' (комбинация элементов из разных кодов), _{co} — 'общие' основы (подробно о принципах анализа см.: Г. Хентшель, *Белорусская 'трасянка' и украинский 'суржик': об основных различиях в степени влияния русского языка*, «Przegląd Rusycystyczny» 2018, № 2 (162), с. 196–199). Если есть необходимость выделить что-либо в высказываниях респондентов, используется рядрядка. Данные о респондентах из подкорпуса интервью представлены в формате «I» + числовой код респондента, из «семейного» подкорпуса — «S» + буквенный код. Подробные характеристики респондентов см. в Приложении 1.

также другие типы автопереводов, в частности, замена 'украинских' или 'русских' основ 'гибридными', это прокомментировано в описаниях, но не отображено в диаграммах или таблицах.

Некоторые рассмотренные случаи фактически не являются переводами, это скорее уточнения или переформулировки. Также респонденты, обращая внимание на собственную речь, стараются (не всегда успешно) очистить ее от нежелательных элементов, сделать ее максимально «правильной» и «грамотной» в соответствии с собственным пониманием правильности и грамотности. Несомненно, это также может приводить к возникновению многочисленных случаев гиперкорректности¹⁰. Таким образом, некоторое количество «переводов» в речи респондентов по сути является синонимической заменой¹¹ в пределах одного языкового кода или спектра структурно похожих кодов или регистров, напр., *інтересний / цікавий, балакати / розмовляти*, где первые элементы в этих парах носители считают русскими или гибридными, хотя в соответствии со словарями оба элемента относятся к одному языку (в приведенных примерах — украинскому).

В исследовании¹² белорусско-русской смешанной речи (явления, во многом аналогичного, хотя и не идентичного УРСР) Святлана Теш интерпретирует повторение с использованием единиц разных кодов как ситуацию, когда говорящий не хотел бы признавать себя носителем определенного кода и поэтому повторяет одно и то же содержание на разных языках¹³. Такая «стратегия нейтралитета»¹⁴ отражает гибридную идентичность,

¹⁰ О.О. Тараненко, *Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму (на загальнослов'янському тлі)*, «Мовознавство» 2008, № 2–3, с. 164.

¹¹ По поводу такого синонимического использования см.: С. Дель Гаудио, *Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков*, «Slověne» 2015, № 2, с. 220.

¹² В рамках проекта «Трасянка в Беларуси — 'смешанный идиом' как продукт белорусско-русского языкового контакта» (Volkswagen Stiftung, 2008 — 2013, под руководством Г. Хентшеля и Б. Киттеля); см.: G. Hentschel, J. P. Zeller, S. Tesch, *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*, Oldenburg, <http://diglib.bis.unioldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>.

¹³ S. Tesch, *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*, BIS-Verlag, Oldenburg 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25], с. 165.

¹⁴ R. Appel, P. Muysken, *Language Contact and Bilingualism*, Amsterdam University Press, Amsterdam 1987, с. 130.

хотя, согласно исследованию, в Беларуси нет оснований говорить о гибридной идентичности: говорящие на белорусском, но также и на белорусско-русской смешанной речи в плане культурной и национальной идентичности демонстрируют пробелорусский профиль, тогда как русскоговорящие проявляют себя в этом плане индифферентно, т. е. русский выступает немаркированным кодом¹⁵.

Александр Тараненко считает, что использование в пределах одного контекста украинского и русского слов-соответствий не обязательно свидетельствует о бессистемности суржика или неосознании носителями принадлежности этих единиц к разным языкам. По его мнению, случаи синтаксических повторов семантически тождественных слов как в контактной, так и в дистантной позиции можно рассматривать как близкие к юктапозиции (в качестве примера он приводит часто употребляемую, напр., в телефонных разговорах, фразу «Харашо. Добре»). Подобные юктапозиты употребляются также в одноязычных текстах как амплифицированные нанизывания фольклорного характера (напр., *говорити-балакати*)¹⁶. Следует, однако, отметить, что в корпусе такие примеры встречаются крайне редко, и в основном в «семейных» разговорах¹⁷ — как, напр., те же фразы «Хараšo_{ru}. Dobre_{uk}» (S-CLu) или в обратном порядке — «То_{uk} tobi_{uk} dobre_{uk}, хараšo_{ru}...» (S-GLu). В других случаях (особенно это касается подкорпуса интервью) респонденты производят замену именно как перевод, оформляя его интонационно при помощи пауз (2) или (хотя и достаточно редко) при помощи вербальных маркеров (3):

¹⁵ B. Kittel, D. Lindner, M. Brüggemann, J. P. Zeller, G. Hentschel, 2018). *Sprachkontakt — Sprachmischung — Sprachwahl — Sprachwechsel*, Peter Lang, Berlin 2018, с. 264.

¹⁶ О. О. Тараненко, *Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржика» (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект // G. Hentschel (Ред.), *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten*, BIS-Verlag, Oldenburg 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21], с. 42–43.*

¹⁷ Интересно, что в проекте потрасянке, где были собраны прежде всего «семейные» разговоры, зафиксировано всего 30 случаев повторов с использованием автопереводов и один случай самоисправления со сменой кода, так как для участников разговоров не являлось целью продемонстрировать свои высокие знания белорусского или же русского языка, см.: S. Tesch, *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*, BIS-Verlag, Oldenburg 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25], с. 163.

(2) Nu_{co}, jakščjo_{uk}(...) jesli_{ru} brat'_{ru}, napryklad_{uk}(...) naprimjer_{ru}, ukrajins'ko_{ru} -ruski_{su} slova_{co} peremišujuc'cja_{uk}, to_{co} ce_{uk} zoúsim_{uk} ne_{co} surdžyk_{su}. I-822

(3) Jaka_{uk} ljudyna_{uk} u_{ru} úlasti_{ru}, pravyl'no_{uk} tak_{co} skažemo_{co}(...) ja_{co} nepravyl'no_{uk} skazala_{co}(...) jaka_{uk} volodije_{uk} jakojus'_{uk} úladoju_{uk}, i_{co} vona_{uk} na_{co} vydu_{uk} u_{co} úsyx_{su}... I-684

Часто «перевод» используется просто как синонимическая замена в рамках высказывания или соседних высказываний, с дополнительной функцией уточнения (4) или без нее (5):

(4) Vostok_{ru}, Sxit_{uk}? I-822

(5) Adin_{ru} razhavarivajet_{ru} na_{co} čisto_{ru} ruskom_{ru}, útoroj_{ru} rozmouljaje_{uk} lomany_{co}, djevoč'ka_{ru} rozmouljaje_{uk} ukrajins'kym_{uk}. I-403

Случаи, когда респондент подыскивает слово в одном из кодов, предварительно используя слово из другого кода и паузу (как в примере (2)), составляют только половину всех случаев автопереводов в субкорпусе интервью, причем их примерно равное количество и в сторону украинского (56 примеров из 101, зафиксированных в интервью), и в сторону русского (58 из 118). Такое использование автоперевода может указывать на то, что речевая компетенция (или, скорее, регулярная речевая практика) говорящего в одном из кодов недостаточна для того, чтобы сразу находить необходимое слово в соответствующем коде. В остальных случаях респонденты, используя автоперевод, могут либо демонстрировать широту своего языкового репертуара, либо преследовать определенную прагматическую цель (уточнение, объяснение), или же это происходит исключительно из желания соответствовать определенной языковой норме, приемлемой, по мнению респондента, в данной ситуации.

Выбор языка в автопереводе может быть объяснен исходя из понятия габитуса, который Пьер Бурдьё рассматривал как систему прочных приобретенных предрасположенностей, которые в дальнейшем используются индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, как исходные установки, которые порождают и организуют практики индивидов. Как правило, эти предрасположенности не предполагают сознательной нацеленности на достижение опре-

деленных целей, ибо на протяжении длительного времени они формируются под влиянием различных факторов: свобод и необходимости, разрешений и запретов. Это, в частности, важно и в вопросе языковой практики, поскольку «значение ценности собственных языковых продуктов является фундаментальным измерением значения места, на котором человек находится в социальном пространстве»¹⁸.

Люди, как считает Бурдьё, придают непропорционально большое значение раннему опыту. Эффект инертности, рутинности, предрасположенности проявляется в том, что люди, прекрасно адаптировавшиеся к прошлым реалиям, начинают действовать невпопад в новых реалиях, не замечая, что прежних условий больше нет. Таким образом, в частности, старшее поколение жителей центральной Украины, усвоившее установку, что именно русский является языком престижа и маркером высокого социального положения, как это было повсеместно в советское время, продолжает использовать русские лексемы для «исправления» украинских даже в ситуации интервью на языковые темы, декларируя при этом свою украинскую языковую идентичность и патриотизм.

Так как оба языка в большинстве случаев взаимопонятны (речь идет об использовании на территории Украины), в основном направление автоперевода (если таковой является осознанным переводом, а не просто синонимическим уточнением) в официальной ситуации интервью показывает, какой язык респондент считает более «правильным», уместным в данном случае. Также официальность ситуации должна обнаруживать иерархию языкового престижа: «Чем более официальным является рынок, то есть чем больше он практически соответствует нормам законного языка, тем больше он управляется правителями, то есть обладателями законной языковой компетенции, которые уполномочены говорить как авторитеты»¹⁹. Таким образом, если бы один из языков, по мнению говорящих, имел однозначно более высокий престиж, большинство автопереводов производилось бы именно в направлении этого языка. На деле же количество переводов в сторону украинского и русского в корпусе УРСР практически одинаковое (с незначительным

¹⁸ P. Bourdieu, *Was heißt sprechen? Zu Ökonomie des sprachlichen Tauschs*, Braumüller, Wien 1990, с. 63.

¹⁹ Там же, с. 76.

преобладанием в сторону русского). Это отображает динамику соотношения языков в украинском обществе за последние 30 лет: если в позднесоветскую эпоху русский безусловно был языком престижа в разнообразных сферах — государственного управления, науки и образования, телевидения и сферы развлечений и т.д., то за годы независимости существенно возрос престиж украинского языка, а следовательно, и фактический объем его использования, прежде всего в официальных ситуациях. Но поскольку это достаточно короткий срок в масштабе языковых изменений, то оба языка в равной мере могут выступать в роли более престижного языка²⁰, иногда в идентичных коммуникативных ситуациях или даже в речи одного и того же говорящего.

Кроме того, определение предпочтительного направления вектора автоперевода затрудняет тот факт, что языковые коды и субкоды, используемые в исследуемом ареале, иногда недостаточно хорошо разграничены в сознании носителей. «Особенно генетически близкие и структурно похожие акролекты, мезолекты и (пока еще существующие) базилекты образуют континуум, в котором говорящие могут в своей речи относительно плавно 'осциллировать' между тремя 'лектами'»²¹. Таким образом становится возможным использование элементов разных кодов в качестве синонимической замены, а также квази-переводы, где одни элементы некоторого кода заменяются другими из того же кода, причем говорящий уверен, что совершает перевод.

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕСПОНДЕНТОВ И НАПРАВЛЕНИЕ АВТОПЕРЕВОДА

Хотя, как было указано выше, распределение автопереводов практически равное, то есть статистически неотличимое от случайного, это соотношение является следствием разнонаправленного влияния нескольких факторов. Далее мы рассмотрим как связь направления автоперевода с каждой из социодемо-

²⁰ Исследование о престиже украинского и русского языков на территории Украины см.: Л. Масенко, *Мовна ситуація України: соціолінгвістичний аналіз* // Ю. Бестерс-Дільгер (ред.), *Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації*, 2-ге вид., Києво-Могилян. акад., Київ 2010, с. 110.

²¹ Г. Хентшель, *Белорусская «трясаянка» и украинский «суржик»...*, с. 194.

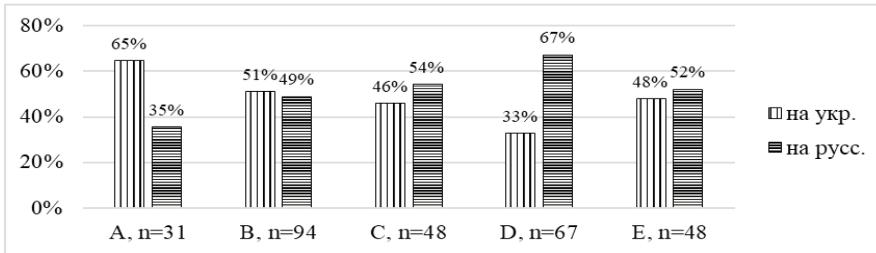
графических характеристик респондентов в отдельности (при помощи таблиц сопряженности и теста проверки χ^2), так и совместный эффект влияния разных переменных на направление автоперевода (при помощи метода дерева решений (ctree)).

Для оценки статистической значимости результатов используется тест проверки нормального распределения χ^2 . При этом во избежание ошибок первого рода (ложноположительное срабатывание) используется поправка Монте-Карло (симуляция из 10000 повторений). В качестве нулевой гипотезы принимается отсутствие релевантных статистических различий между автопереводом в сторону украинского и в сторону русского. Основные значения p -критерия: $p < 0,05$: различие статистически значимо и отличается от случайного распределения; $p > 0,05$: различие статистически незначимо. Также указывается значение χ^2 , степень свободы (degree of freedom) и общее количество примеров по каждой из независимых переменных (n).

Рассмотрим взаимосвязь ряда факторов и использования автоперевода в речи носителей УРСР, а именно место проживания респондентов, возраст, образование и др.

Прежде всего рассмотрим ареальное распределение²² респондентов. Оно обнаруживает достаточно существенную связь с направлением автоперевода.

Диаграмма 1. Направление автоперевода: ареальные различия

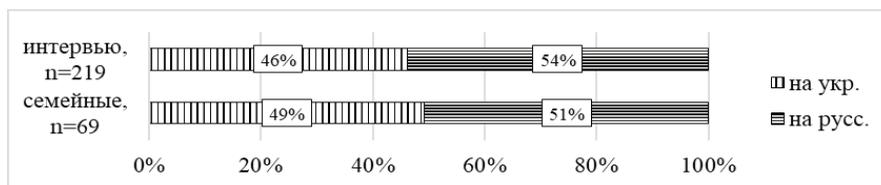
²² Весь исследуемый регион с помощью кластерного анализа (на основании оценки частоты использования кодов в повседневной жизни как среди респондентов, так и среди их ближайшего окружения) был разделен на ареалы: А — Хмельницкая, Винницкая, Черкасская области, В — Киевская, Черниговская, Полтавская, С — Житомирская, Кировоградская, D — Сумская, Днепропетровская, E — Харьковская. В ареалах А — С преобладает украинский язык (показатели снижаются от А до С), в D — С смешанная речь и в E — русский. Подробнее см.: Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України...*, с. 3–25.

Тест хи-квадрат Пирсона подтверждает наличие связи между ареалами и направлением автоперевода: $\chi^2 (4; n=288) = 9,88$, $p < 0,05$. Как индекс V Крамера (0,185), так и коэффициент сопряженности СС (0,182) являются значимыми (оба $p < 0,05$). Так как значение индекса V Крамера ниже 0,30, связь является не очень сильной.

Вполне ожидаемо в наиболее «украинском» ареале А респонденты почти в два раза чаще исправляют ‘русские’ основы на ‘украинские’, чем наоборот. В остальных «украинских» регионах и в «русском» регионе Е соотношение основ примерно равное, различия составляют от 2 до 8 процентных пунктов в ту или иную сторону. Особенно выделяется в этом плане «смешанный» регион D, в котором перевод на ‘русский’ встречается в 2 раза чаще, чем обратный, причем почти все эти случаи зафиксированы в интервью. Эта неуверенность респондентов данного региона в собственной языковой компетенции в украинском и более частый (по сравнению с другими регионами) переход к русским элементам в официальных ситуациях ранее уже были отмечены в исследованиях на материале корпуса УРСР²³.

Предполагалось, что различия в автопереводах в более официальной ситуации интервью и в неформальном семейном общении будут обнаруживать ту же тенденцию, что и относительно других явлений, а именно, в интервью респонденты будут более склонны исправлять свою речь в сторону русского. На деле же в «семейных» разговорах доля переводов с украинского на русский и наоборот примерно равна, а в интервью респонденты только незначительно чаще исправляют ‘украинские’ основы на ‘русские’. Разница между субкорпусами («семейные» разговоры и интервью) не является статистически значимой: $\chi^2 (1; n=288) = 0,21$, $p = 0,65$.

Диаграмма 2. Направление автоперевода: различия по субкорпусам

²³ Ср.: Д. Гречко, О. Палинская, *Словообразование в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи*, «Linguistica Copernicana» 2019, № 16, с. 311–335.

Эта особенность объясняется сочетанием разнонаправленных факторов, активизирующихся в формальной ситуации. С одной стороны, русский язык обладал (как минимум, в прошлом) более высоким престижем, и подбор 'русской' лексики объясняется желанием показать свою «образованность» (также ранее связанную прежде всего с русским) или же желанием выглядеть в глазах интервьюера более «городским», т. к. украинский, а тем более смешанный язык даже сейчас на бытовом уровне, как минимум по утверждению самих респондентов, может ассоциироваться с «сельским» (см. об этом ниже)²⁴. С другой стороны, статус украинского языка как государственного за годы независимости существенно повысил как его престиж, так и использование в официальных ситуациях, и это способствует тому, что респонденты в контролируемой официальной ситуации могут отдавать предпочтение 'украинским' основам.

Следует также обратить внимание, что вообще автоперевод вполне ожидаемо намного чаще встречается в более контролируемой ситуации интервью, чем в спонтанной речи, где говорящие обычно не обращают внимание на использование языковых средств: показательно, что треть всех зафиксированных случаев автоперевода в «семейном» корпусе происходит из одного разговора, где респонденты обсуждают региональные и индивидуальные особенности речи друг друга.

Также следует отметить связь между первым языком²⁵ респондентов и частотностью определенных типов автопереводов. Так, те, кто в детстве начал говорить на украинском, почти вдвое чаще ищут 'украинские' соответствия для встретившихся в их речи 'русских' основ; у тех же, кто в детстве говорил на русском, тенденция обратная; респонденты, усвоившие в детстве смешанную речь (или смешанную наряду с украинским), также более склонны переводить 'украинские' основы на русский.

²⁴ Похожая тенденция была описана на примере использования абстрактных отглагольных существительных: Д. Гречко, О. Палинска, *Словообразование в белорусско-русской...*, с. 321.

²⁵ Был определен на основании ответов респондентов на вопрос анкеты «На каком языке Вы начали говорить?». Можно было дать как единственный ответ — украинский (в таблице — укр.), русский (рус.), смешанный = УРСР (смеш.), так и любую комбинацию этих (и других) идиомов: укр. + смеш., укр. + рус. + смеш. и др. (комб.).

	укр., n = 92	русс., n = 29	смеш., n = 139	комб., n = 28
на укр.	64%	41%	38%	39%
на русс.	36%	59%	62%	61%

Таблица 1. Направление автоперевода и первый язык респондентов

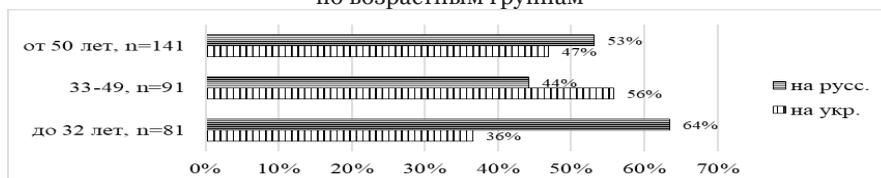
Связь между первым языком респондентов и направлением автоперевода является статистически очень значимой: $\chi^2 (3; n=288) = 16,9, p = 0,005$. Как индекс V Крамера (0,242), так и коэффициент сопряженности СС (0,235) являются сигнификантными (оба $p < 0,05$).

Эта разница особенно показательна, если учесть, что, по данным корпуса УРСР, основы в речи респондентов, независимо от того, каким был их первый язык, распределяются примерно равномерно: около 40% 'украинских' / 17% 'русских' / 35% 'общих' / 8% 'гибридных' (отклонения в группах по первому языку составляют не больше 8 процентных пунктов).

Вообще же речь тех, кто в детстве говорил на смешанном идиоме, как в общем, так и что касается автопереводов, более похожа на речь респондентов, говоривших в детстве на русском, чем на украинском.

Можно проследить также некоторые различия в том, как используют автоперевод представители разных возрастных групп: молодежь и старшее поколение чаще заменяют 'украинские' основы 'русскими', тогда как у среднего поколения тенденция обратная.

Диаграмма 3. Направление автоперевода: распределение по возрастным группам

Связь между возрастом респондентов и направлением автоперевода является статистически значимой: $\chi^2 (2; n=288) = 5,97, p = 0,05$, но слабой: V Крамера = 0,144.

У старшего поколения направление автоперевода примерно равное с небольшим преобладанием в сторону русского, что

отображает две противоположные тенденции: с одной стороны, старшее поколение традиционно является носителем диалектной речи, и поэтому их речевая практика является более «украинской»; с другой стороны, именно это поколение проходило языковую социализацию, получало образование и работало в условиях массового украинско-русского двуязычия с более высоким престижем русского языка в советское время.

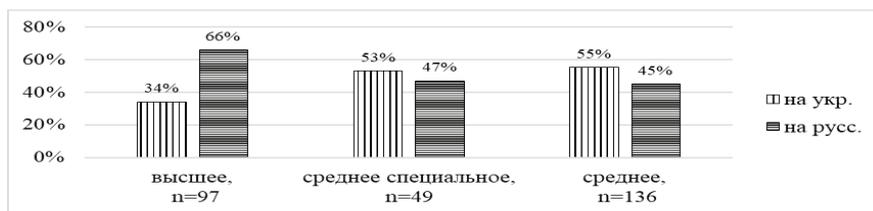
Противоположные тенденции в средней и младшей группах требуют, вероятно, более подробного изучения. Одним из факторов того, что среднее поколение чаще исправляет себя в сторону украинского, а младшее — в сторону русского, является, вероятно, язык потребления медиапродуктов: если для 35–45-летних это скорее «официальные» каналы, как телевидение, радио или новостные сайты (часто украиноязычные), то молодежь, чаще потребляющая развлекательный контент интернета, делает это преимущественно на русском²⁶. В этом плане показательно, что большинство автопереводов, в результате которых ‘украинские’ основы были заменены ‘гибридными’, зафиксировано именно в младшей группе, которая чаще усваивала русский не академическим путем, а в общении, причем прежде всего с такими же квази-носителями.

Образование респондентов тоже демонстрирует связь с направлением автоперевода: чем выше уровень образования, тем больше респонденты склонны исправлять ‘украинские’ основы на ‘русские’.

Тест хи-квадрат Пирсона подтверждает наличие связи между образованием и направлением автоперевода: $\chi^2(3; n=288) = 13,125, p < 0,05$. Как индекс V Крамера (0,213), так и коэффициент сопряженности СС (0,209) являются сигнификантными (оба $p < 0,05$).

²⁶ Согласно данным анкетирования, все возрастные группы предпочитают интернет-контент на русском: если украиноязычные сайты пользователи посещают (всегда или часто) в среднем в 64% случаев с отклонением между группами в пределах 6 пр.п., то русскоязычные — в 87%, причем молодежь на 10 пр.п. чаще, чем старшая группа. Но при этом молодежь проводит в интернете несопоставимо больше времени, чем другие возрастные группы, и это в большой мере интерактивные типы деятельности. О тенденциях в языке украинского интернет-контента см., напр.: Л. Белей, *Українська мова в інтернеті. Торгівля, нерухомість, розваги — тут все російською*, https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrajinska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagiy-73060/ (12.12.2016).

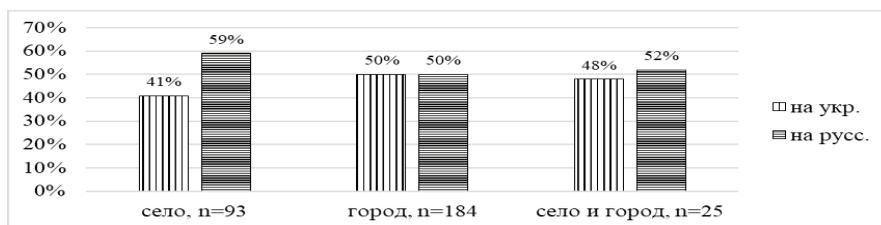
Диаграмма 4. Направление автоперевода и образование респондентов

У лиц с высшим образованием не только самый большой разрыв между количеством русско-украинских и украинско-русских автопереводов, но и больше всего замен 'украинских' основ 'гибридными', что еще раз опровергает тезис об УРСР как исключительно речи необразованных. Кроме того, среднее поколение, получившее высшее образование в первые годы независимости, чаще исправляет свою речь в сторону украинского²⁷, тогда как остальные группы проявляют обратную тенденцию, причем молодежь исправляет на русский в три раза чаще, чем на украинский, а пожилые респонденты — в четыре раза.

Тип населенного пункта, где вырос респондент, также некоторым образом связан с направлением автоперевода (хотя эта связь и не является статистически значимой: $\chi^2(2; n=288) = 2,77, p > 0,05$). Так, выходцы из сел на треть чаще заменяют 'украинские' основы 'русскими', чем наоборот, тогда как у коренных горожан разница в направлении автоперевода отсутствует.

Диаграмма 5. Направление автоперевода: распределение по типу местности, где выросли респонденты

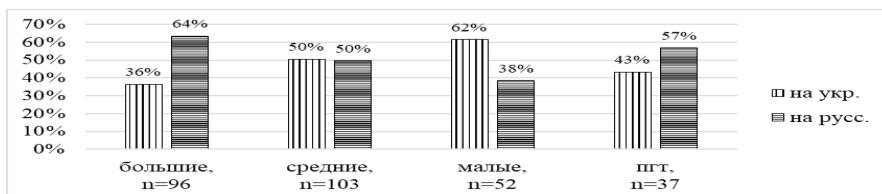
²⁷ Несмотря на то, что языковое законодательство того времени допускало использование и украинского, и русского как языков высшего образования и науки, а актуальный сегодня закон «О высшем образовании» 1556-VII от 2004 г. (в редакции 2020 г.) в ст. 48 предусматривает образовательный процесс на государственном языке (с отдельными исключениями), каковым, согласно Конституции, является украинский.

Как уже было сказано выше, более склонны к переводу на русский те из респондентов, кто (как минимум теоретически) могли подвергаться насмешкам или испытывать комплексы по разным поводам: как «деревенские», малообразованные, или же из-за того, что говорят на УРСР, или же «суржике», подвергающемуся резкому осуждению со стороны национальных элит. Видимо, именно поэтому уроженцы деревень склонны в контролируемых ситуациях и в общении с «образованным» собеседником делать свою речь более «русской» и, таким образом, по их мнению, более «интеллигентной». Хотя специально вопрос об оскорблениях из-за использования определенных языков или кодов, напр., по поводу «сельского» языка, интервьюеры не задавали, тем не менее, некоторые респонденты комментировали это:

(6) Ukrajins'ka_{uk}. Sil's'ka_{uk}. S_{uk} sela_{co}, značjyt'_{uk}, to_{uk} s_{uk} sela_{co}. Da_{ru}, kolhoz_{ru} «Douhe_{uk} dyšlo_{co}». [...] Мене_{uk} ni_{uk} [ne obražalo], no_{ru} tak_{co} zboku_{co} mene_{uk} cepljalo_{ru}. I-1

Если же принимать во внимание тип населенного пункта, где респонденты проживают в данное время, то здесь ситуация несколько иная.

Диаграмма 6. Направление автоперевода: распределение по типам населенных пунктов²⁸, где проживают респонденты в настоящее время

Связь этих факторов статистически значимая: χ^2 (3; n=288) = 9,4, $p < 0,05$; V Крамера = 0,181, коэффициент сопряженности СС = 0,178 (связь слабая), оба сигнификантны ($p < 0,05$).

В больших городах, в целом более русскоязычных, вполне ожидаемо существенно преобладают переводы на русский, в средних городах ситуация сбалансированная. Противополож-

²⁸ Опрос проводился только среди городского населения, т.е. жителей городов разного размера (большие — более 100 000 жителей, средние — от 30 000 до 100 000, малые — от 10 000 до 30 000) и поселков городского типа.

ные тенденции в малых городах и поселках могут частично объясняться некоторыми тенденциями, часто противоречивыми, как, например, желание показаться более «городскими», т.е. русскоязычными, с одной стороны, и традиционный жизненный уклад, влияние разговорного (иногда с элементами диалектного) языка и преимущественно украиноязычных школ, с другой.

Для более подробного описания и объяснения распределения двух направлений автопереводов с учетом большого числа независимых переменных мы использовали Conditional Inference Tree models, или же дерево решений (далее — ctree)²⁹. Ctree — это непараметрическая регрессионная модель, которая визуализируется как дерево решений и служит хорошей альтернативой множественному регрессионному анализу, когда допущения о линейной регрессии нарушаются. Это метод регрессивного анализа данных, основанный на классификации через бинарное рекурсивное деление³⁰: алгоритм выбирает ту независимую переменную, которая имеет наибольшую корреляцию с зависимой переменной, и делит набор данных на два подмножества. Данные итерации повторяются для каждого подмножества, пока для всех конечных подмножеств не будет достигнут заданный уровень *p*-критерия. Ctree особенно подходит для нашего набора данных из-за (i) наличия взаимодействий высокого порядка между переменными (мультиколлинеарность), (ii) непараметрической природы наших данных, (iii) большого количества независимых переменных смешанного типа и (iv) способности ctree моделировать нелинейные функции³¹.

Мы протестировали следующие независимые переменные: размер актуального места жительства респондентов; субкорпус; местность, где выросли респонденты; образование; возрастная группа; код(ы) языковой социализации в детстве; ареал. Переменная «направление перевода» служила номинальной зависимой мерой с двумя уровнями, то есть двумя реализация-

²⁹ T. Hothorn, K. Hornik, A. Zeileis, *Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework*, «Journal of Computational and Graphical Statistics» 2006, № 15 (3), с. 651–674.

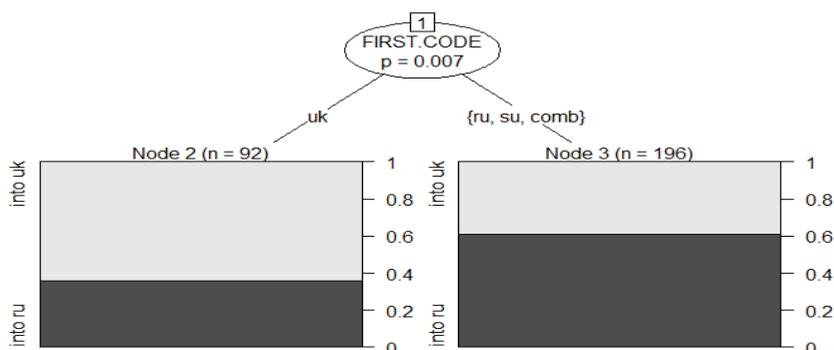
³⁰ N. Levshina, *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. John Benjamins Publishing, Amsterdam & Philadelphia 2015, с. 291–300.

³¹ G. Hentschel, O. Palinska, I. Fekete, *Dialect levelling or colonial hybridization: A case study on the formal variation of the infinitive in Ukrainian-Russian «Suržyk»*, «Language Variation and Change», в печати.

ми: ‘на укр.’ или ‘на рус.’. Статистический анализ был выполнен в Rstudio 1.2.5019³² с использованием пакетов R party и partykit. Дерево решений также учитывает *p*-критерий (мы используем поправку Бонферрони для устранения эффекта множественных сравнений).

Модель *ctree* имеет древовидную структуру, таким образом, чем выше находится переменная в иерархии, тем более существенным является ее влияние. Переменные, не отображаемые в модели, не являются статистически значимыми относительно отображаемых переменных. Узел, находящийся выше всего в иерархии, является главным в определении направления автоперевода. Все последующие узлы показывают сочетание факторов (соблюдается совокупность условий из узлов, расположенных выше).

Диаграмма 7. Дерево решений (*ctree*), моделирующее переменную «направление автоперевода»

Переменные, задействованные в моделировании <i>ctree</i>	
Зависимая:	
AUTO.TRANSL	направление автоперевода: into uk ‘в сторону украинского’, into ru ‘в сторону русского’,
Независимые:	
AREAL	ареал: A / B / C / D / E

³² RStudio, *Integrated development environment for R* (Version 1.2.5019), Boston, MA 2019.

АВТОПЕРЕВОД...

CORPUS	субкорпус: f 'семейный', i 'интервью'
EDUCATION	образование: h 'высшее', b 'среднее специальное', e 'среднее'
GROWN.UP.IN	местность, где вырос респондент: cs 'село', cs-to 'село и город', to 'город'
PLACE.SIZE	тип населенного пункта, где проживает респондент: vsto 'поселок городского типа', sto 'маленький город', mto 'средний город', lto 'большой город'
FIRST.CODE	первый язык: uk 'украинский', ru 'русский', su 'смешанный', comb 'комбинация кодов'
AGE	возрастная группа: y 'до 32 лет', m '33–49', o '50 и выше'

Как было показано выше в анализе связи отдельных переменных с направлением автоперевода, сила эффекта этих факторов, согласно значению V Крамера, является слабой (факторы 'ареал', 'возраст', 'первый язык', 'образование', 'размер населенного пункта') или же вообще не является статистически значимой (факторы 'субкорпус' и 'тип местности, где вырос респондент'). Таким образом, при сочетании влияния разных переменных в структуре stree отображена только одна переменная, а именно 'первый язык'. Другими словами, направление автоперевода в УРСР прежде всего связано с первичным языком социализации респондента: если это был украинский, перевод производится предпочтительно в сторону украинского (с соотношением 64% / 36%), если другой идиом или их комбинация — в сторону русского (61% / 39%).

Дерево решений показывает, что остальные факторы, даже значимые при единичном анализе, в сопоставлении с фактором первого языка не имеют достаточной связи с направлением автоперевода — ни отдельно, ни в их комбинациях.

ВЫВОДЫ

Носители УРСР довольно часто (в частности, в сравнении с носителями белорусско-русской смешанной речи) используют автоперевод, который несколько чаще направлен в сторону русского, чем украинского. При этом практической необходимости в нем не существует: как правило, это просто «подтягивание»

собственной речи к некоторому стандарту, существующему в сознании говорящих. Поэтому автопереводы чаще используются в интервью, чем в «семейных» разговорах: говорящие более склонны контролировать свою речь и хотят произвести хорошее впечатление на интервьюера. Что именно является «соответствующим» языком или кодом в каждой конкретной ситуации, говорящие определяют на основании собственных представлений и установок («габитус» в терминологии Бурдьё), которые являются достаточно инертными и не всегда вовремя изменяются в соответствии с изменениями окружающих условий.

Социодемографические параметры респондентов проявляют некоторую связь с направлением автоперевода. Так, 'украинские' основы чаще переводят на русский: жители ареала, где наиболее часто используют смешанную речь (Сумская и Днепропетровская обл.); те, кто в детстве говорили на русском или смешанном; представители старшего и молодого поколения; лица с высшим образованием; уроженцы деревень; жители больших городов. В большинстве этих случаев русский остается маркером более высокого статуса, который стремятся продемонстрировать респонденты. Вместе с тем статусные показатели украинского тоже достаточно высоки, и одни и те же респонденты в полностью аналогичных ситуациях могут использовать перевод как в сторону русского, так и украинского.

Безусловно, невозможно однозначно сопоставлять результаты спонтанного использования единиц разного уровня в речи респондентов и сознательного выбора языковых средств, как это имеет место в автопереводе. Направление автоперевода может базироваться на полностью противоположных основаниях: в одних случаях это автоматические оговорки, «выдающие» реальную языковую практику говорящего, которую он пытается скрыть по разным причинам — чтобы казаться более образованным, более «городским», более патриотичным и т.д., и тогда то, с какого языка на какой совершается перевод, является важным маркером для определения языковой идентичности говорящего; в других это скорее синонимические уточнения стилистического характера, которые чаще всего происходят в произвольном порядке и ничего не говорят о языковых предпочтениях респондента. Такое отсутствие предпочтений во многих случаях демонстрирует и статистический анализ факторов, которые могут демонстрировать связь с направлением автоперевода.

Приложение 1. Характеристики респондентов

Респондент	I-1	I-403	I-684	I-822	S-CLu	S-Glu
Ареал	А	В	В	Д	В	В
Размер населенного пункта, где живет респондент	большой город	средний город	большой город	большой город	средний город	средний город
Пол	м	м	ж	ж	м	м
Возраст	46	45	46	54	22	50
Образование	ср.	ср.-спец.	ср.	высш.	высш.	ср.-спец.
Тип населенного пункта, где вырос респондент	село / город	город	село / город	село	город	село
Первый язык	смеш.	укр.	укр.	смеш.	укр.	укр.

REFERENCES

- Appel, Rene, Muysken, Pieter. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1987.
- Beley, Les'. "Ukrayins'ka mova v interneti. Torhivlya, nerukhomist', rozvahy — tut vse rosiys'kouy." 12 December 2016 <https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrainjska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagy-73060/> [Белей, Лесь. "Українська мова в інтернеті. Торгівля, нерухомість, розваги — тут все російською" 12.12.2016. <https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrainjska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagy-73060/>].
- Bourdieu, Pierre. *Was heißt sprechen? Zu Ökonomie des sprachlichen Tauschs*. Wien: Braumüller, 1990.
- Del Gaudio, Salvatore. "Ukrainsko-russkaya smeshannaya rech' 'surzhik' v sisteme vzaimodeystviya ukrainskogo i russkogo yazykov." *Slověne* 2015, no. 2: 214–246. [Дель Гаудио, Сальваторе. "Украинско-русская смешанная речь 'суржик' в системе взаимодействия украинского и русского языков". *Slověne*" 2/2015, no. 2: 214–246].
- Fox, Barbara and Maschler, Yael, Uhmman, Susanne. "A cross-linguistic study of self-repair: Evidence from English, German, and Hebrew." *Journal of Pragmatics* 2010. no. 42(9): 2487–2505.
- Gafaranga, Joseph. "Language alternation and conversational repair in bilingual conversation." *International Journal of Bilingualism* 2012, no. 16(4): 501–527.
- Grecko, Daria and Olesya Palinska. "Slovoobrazovaniye v belorusko-russkoy i ukrainsko-russkoy smeshannoy rechi." *Linguistica Copernicana* 2019, no. 16: 311–335 [Гречко, Дарья, Палинская, Олеся. "Словообразование в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи." *Linguistica Copernicana* 2019, no. 16: 311–335].
- Gumperz, John J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Hentschel, Gerd and Palinska, Olesya, Fekete, Istvan. "Dialect levelling or colonial hybridization: A case study on the formal variation of the infinitive in Ukrainian-Russian 'Suržyk'." *Language Variation and Change* (в печати).

- Hentschel, Gerd and Taranenko, Oleksandr. “Movnyy landshaft Tsentral’noyi Ukrayiny: ukrayins’ka mova, rosiys’ka mova, ‘surzhyk’ (uzhyvannya — movna kompetentsiya — natsional’ne pozytsionuvannya).” *Movoznavstvo* 2015, no. 4: 3–25. [Хентшель, Герд, Тараненко, Олександр. “Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, ‘суржик’ (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування).” *Мовознавство* 2015, no. 4: 3 — 25].
- Hentschel, Gerd. “Belorusskaya ‘trasyanka’ i ukrainskiy ‘surzhik’: ob osnovnykh razlichiyakh v stepeni vliyaniya russkogo yazyka.” *Przegľad Rusycystyczny* 2018, no. 2 (162): 190–207. [Хентшель, Герд. “Белорусская ‘трясянка’ и украинский ‘суржик’: об основных различиях в степени влияния русского языка.” *Przegľad Rusycystyczny* 2018, no. 2 (162): 190–207].
- Hentschel, Gerd and Zeller, Jan Patrick and Tesch, Sviatlana. *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014 <<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>>.
- Hothorn, Torsten and Hornik, Kurt; & Zeileis, Achim. “Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework.” *Journal of Computational and Graphical Statistics* 2006, no. 15(3): 651–674.
- Kittel, Bernhard and Lindner and Diana, Brüggemann and Mark, Zeller and Jan Patrick and Hentschel, Gerd. *Sprachkontakt — Sprachmischung — Sprachwahl — Sprachwechsel*. Berlin: Peter Lang, 2018.
- Kormos, Judith. “Monitoring and Self-Repair in L2.” *Language Learning* 1999, no. 49(2): 303–342.
- Levshina, Natalia. *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2015.
- Masenko, Larysa. “Movna sytuaciya Ukrayiny: sotsiolingvistychnyy analiz”. *Movna polityka ta movna sytuatsiya v Ukrayini: analiz i rekomendatsiyi*. Red. Yu. Besters-Dilger. Kyiv: Кууєво-Могулянська академія, 2010 (2nd Ed.). 96–131 [Масенко, Лариса. “Мовна ситуація України: соціолінгвістичний аналіз”. Ред. Бестерс-Дільгер, Юліане. Київ: Києво-Могилянська академія 2010 (2-ге вид.). 96–131].
- Menzel, Thomas and Hentschel, Gerd. *Flexionsmorphologische Irregularität in inner-slavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch — Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2017.
- Palinska, Olesya. “Metazykovyye refleksii nositeley ukrainsko-russkoy smeshanpouy rechi.” *Wiener slawistischer Almanach* (в печати). [Палинська, Олеся. “Метаязыковые рефлексии носителей украинско-русской смешанной речи.” *Wiener slawistischer Almanach* (в печати)].
- RStudio, *Integrated development environment for R* (Version 1.2.5019). Boston, MA, 2019.
- Taranenko, Oleksandr. “Suchasni tendentsiyi do perehlyadu normatyvnykh zasad ukrayins’koy literaturnoyi movy i yavyshe puryzmu (nazahal’noslov”yans’komu tli).” *Movoznavstvo* 2008, no. 2–3: 159–189. [Тараненко, Олександр. “Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму (на загальнослов’янському тлі).” *Мовознавство* 2008, no. 2–3: 159–189].
- Taranenko, Oleksandr. “Variantnist’ vs. stabil’nist’ u strukturі ukrayins’ko-rosiys’koho ‘surzhyku’ (URS): sukupnist’ idiolektiv vs. sotsiolekt.” *Variation und*

АВТОПЕРЕВОД...

- Stabilität in Kontaktvarietäten.* (Ed.) Hentschel, Gerd. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21]. 27–61 [Тараненко, Олександр. “Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського ‘суржик’ (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект.” *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten.* Hrsg. Hentschel, Gerd. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21]. 27–61].
- Tesch, Sviatlana. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax.* Oldenburg: BIS-Verlag, 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25].